

УДК 349.6
ББК 67.407

Ryzhenkov Anatoly Yakovlevich,
doctor of law, professor,
professor of the department of civil law,
Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: 4077778@list.ru

Рыженков Анатолий Яковлевич,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: 4077778@list.ru

К ВОПРОСУ О ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПРИНЦИПАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ КЛИМАТА)

THE ISSUE OF DOCTRINAL PRINCIPLES OF THE ENVIRONMENTAL LAW (ON THE EXAMPLE OF CLIMATE PROTECTION)

12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право
12.00.06 – Land law; natural resources law; ecological law; agrarian law

Автор доказывает, что нормы об охране климата закреплены в международных правовых актах, принятых и подписанных Российской Федерацией. В России есть ряд подзаконных актов, направленных на реализацию норм международных соглашений, однако в нашем экологическом законодательстве нет соответствующих норм об охране климата. Существует опыт ряда стран СНГ, который может быть использован для восполнения пробелов в российском экологическом праве. Учитывая, что принципы являются ядром правовой системы (и любой отрасли права), определяя не только ее текущее состояние, но и выполняя прогностическую функцию ее развития, предлагается дополнить Федеральный закон «Об охране окружающей среды» новым принципом «правовой охраны климата», который на сегодня пока еще носит чисто доктринальный характер.

The author argues that the norms of climate protection are enshrined in the international legal acts adopted and signed by the Russian Federation. In Russia there is a number of regulations aimed at implementation of provisions of the international agreements; however, there are no relevant rules on protection of the climate in our environmental legislation. There is the experience of several CIS countries, which can be used to fill the gaps in the Russian environmental law. Given that the principles are the core of the legal system (and every law), specifying not only its current state but also fulfilling the prognostic function of its development, it is proposed to supplement the Federal law «On environmental protection» with the new principle of «legal protection of climate», which today is still purely doctrinal in nature.

Ключевые слова: климат, охрана окружающей среды, международные акты, принцип, доктрина, парниковые газы, выбросы, ООН, права человека, конвенция.

Keywords: climate, environmental protection, international instruments, principle, doctrine, greenhouse gases, emissions, UN, human rights, convention.

Введение

В российской юридической науке существует несколько классификаций принципов права. Наиболее распространенной из них является разделение принципов

на общеправовые, межотраслевые, отраслевые и институциональные (отдельных правовых институтов), а также проведение различий между принципами-нормами (закрепленными в законе) и принципами-идеями (выводимыми доктринально). В настоящий момент в юридической науке нет единого понимания юридической природы доктринальных принципов.

Так, А. В. Агафонов, исследуя доктринальные принципы конституционного права, считает необходимым отнести к ним «... конституционные нормы высокой степени обобщенности, закрепленные в Конституции РФ и не устанавливающие конкретных правоотношений. Однако они относятся к правовым нормам, поскольку указывают на направление развития законодательства в части, касающейся конкретизации правового принципа. И эта конкретизация в законодательстве может находить многовариантное развитие» [1].

Из этого следует, что доктринальные принципы — это не продукт научного творчества, а разновидность норм права. Другие ученые полагают, что доктринальные принципы права не являются императивными, поскольку их достаточно много, причем их количество очень зависит от взглядов ученых и убедительности приводимых ими аргументов. Законодательно закрепленные принципы (сформулированные в конкретной норме) выполняют регулятивную функцию. В отличие от них доктринальные принципы выполняют другие функции: интерпретационную, идеологическую и отчасти стимулирующую. Доктринальные принципы влияют на последующее развитие законодательства [2]. Таким образом, доктринальные принципы — это исходные юридические идеи, сформулированные «...учеными-юристами, составляющие часть научного правосознания, выраженные текстуально, необязательные для субъектов права и выступающие в качестве научно обоснованных ориентиров в процессе правового регулирования общественных отношений» [3].

Разделяя последнюю точку зрения, замечу, что применительно к экологическому праву его принципы-нормы закреплены в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года, а также в некоторых других федеральных законах. Между тем представляется, что изложенный в них перечень принципов требует своего расширения, в связи с чем особый интерес представляют

прямо не закрепленные в данном законе принципы-идеи, которые, однако, получили свое исследование в юридической науке и могут быть использованы в будущем для развития системы принципов экологического законодательства. Из этого следует, что **актуальность** разработки данной проблемы состоит в рассмотрении роли и значения доктринальных принципов экологического законодательства (на примере принципа охраны климата) в целях определения перспектив развития системы экологического права в целом. **Научная новизна** исследования заключается в том, что до настоящего времени доктринальные принципы экологического права были мало исследованы в теории экологического права. **Цель** исследования — выявить особенности правовой охраны климата и сконструировать новый доктринальный принцип, лежащий в основе данных отношений.

Основная часть

Рассматривая принципы экологического права как базовые (исходные) начала, лежащие в основе данной отрасли права, следует заметить, что в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» совершенно необоснованно не упомянут один важнейший принцип экологического законодательства, который может быть выведен доктринально. Этот принцип — принцип правовой охраны климата. Такой вывод обусловлен тем, что в последние годы вопросам изменения климата уделяется большое внимание как на национальном, так и на международном уровнях. Основная теория причин изменения климата состоит в том, что происходит увеличение количества выбросов парниковых газов, которые задерживают и поглощают тепловое излучение поверхности Земли, создавая тем самым в атмосфере парниковый эффект, и это влечет ряд негативных последствий для разных стран мира.

Чтобы не допустить глобального изменения климата Земли из-за продолжающихся выбросов парниковых газов в атмосферу, почти четверть века назад (1992) была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (далее — РКИК ООН). Она исходила из того, что основной вклад в антропогенную эмиссию (выброс) парниковых газов вносит углекислый газ, доля которого в общей эмиссии газов, имеющих парниковый эффект и подпадающих под действие РКИК ООН, составляет более 75 %. Еще 16 % составляет метан, около 6 % — закись азота и около 2 % — прочие парниковые газы [4].

Целью данной конвенции являлась стабилизация концентрации парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не представлял бы угрозы для климатической системы Земли. Основными направлениями сотрудничества в области охраны климата являются сокращение выбросов парниковых газов (смягчение последствий изменения климата) и адаптация к изменениям климата. РКИК ООН ратифицировало 194 государства, и она продолжает и сегодня являться основополагающим международным документом в области противодействия изменениям климата. Вместе с тем указанные в ней цели имеют, скорее, рекомендательный характер и не влекут юридических последствий для стран-нарушителей. В дополнение к РКИК ООН в декабре 1997 года был принят Киотский протокол. Федеральный закон «О ратификации Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата» вступил в силу 16 февраля 2005 года. Киотский протокол

обязал подписавшие его страны добиваться количественных сокращений или ограничений выбросов своих парниковых газов в среднем на 5,2 % в первом периоде обязательств (2008–2012) ниже уровня 1990 года. При этом каждой стране ставились свои количественные ограничения по выбросам. Так, РФ было разрешено сохранить свои выбросы на уровне 1990 года [5].

Несмотря на этот прорыв в международном экологическом сотрудничестве, в адрес Киотского протокола в научной литературе было высказано немало критических суждений. В частности, отмечалось, что, во-первых, указанная выше цифра снижения выбросов слишком небольшая, поскольку без Киотского протокола концентрация CO₂ в атмосфере за 10 лет выросла бы на 20 единиц, а в случае четкого исполнения Киотского протокола — на 18 единиц. Во-вторых, после выхода США и Австралии из Киотского протокола выбросы стран, не имеющих ограничений на выброс парниковых газов (Индия, Китай), составляют 65 % мировой эмиссии двуокиси углерода. В итоге получается, что основная масса мировой эмиссии никак не регулируется.

Вместе с тем Киотский протокол впервые в истории международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды ввел рыночные отношения в качестве основы для обеспечения наиболее эффективного и наименее дорогостоящего механизма выполнения государствами взятых на себя экологических обязательств. Уже создан углеродный рынок, куда вовлечен ряд крупных корпораций, банков, страховых и консалтинговых компаний, инжиниринговых и аудиторских фирм. Однако на данном рынке предлагаются не газы, а квоты на их выброс. Предметом торга являются правовые инструменты, базирующиеся на газах, которые никогда не будут выброшены [6].

В развитие идей и норм Киотского протокола, 12 декабря 2015 года было принято Парижское соглашение, ст. 2 которого указывает, что оно направлено на укрепление глобального реагирования на угрозу изменения климата в контексте устойчивого развития и усилий по искоренению нищеты, в том числе посредством удержания прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 °C сверх доиндустриальных уровней и приложения усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5 °C, поскольку это значительно сократит риски и воздействия изменения климата. Кроме того, отмечается необходимость повышения способности адаптации к неблагоприятным воздействиям изменения климата и содействия сопротивляемости к изменению климата, развитию при низком уровне выбросов парниковых газов таким образом, который не ставит под угрозу производство продовольствия.

Упомянутые в международных документах меры по противодействию глобальным изменениям климата, таким образом, охватывают два базовых направления: стратегию адаптации к изменениям климата и стратегию смягчения таких последствий. В научной литературе исследуется несколько вариантов *стратегии смягчения* последствий изменения климата: производство энергии с меньшим количеством выбросов парниковых газов, чем обычное ископаемое топливо; развитие технологий по удалению парниковых газов из атмосферы; внедрение методов землепользования в сельском и лесном хозяйстве, которые уменьшат объем парниковых газов в атмосфере.

В свою очередь, *стратегия адаптации* может проявляться в выдаче государством грантов для выведения новых засухоустойчивых сортов растений; субсидировании установки новых систем ирригации (капельное орошение); внедрении новых средств борьбы с вредителями растений и технологий борьбы с засолением почв; акклиматизации новых видов флоры и фауны; реализации новых экономических моделей занятости населения, пострадавшего от засухи; создании механизма защиты прав экологических беженцев и вынужденных переселенцев; развитии системы здравоохранения ввиду опасности появления новых болезней, вызванных изменением климата и т. д. [7].

Таким образом, основной упор в реализации предусмотренных международными соглашениями мер отводится национальному уровню. В этом смысле Европейский Союз традиционно занимает лидирующие позиции в деле охраны окружающей среды и обладает достаточно хорошо проработанной системой правовых актов, включая договор о создании ЕС, директивы и постановления, а также обширную правоприменительную практику по проблемам охраны климата. Благодаря этому в праве ЕС можно обнаружить признаки формирования самостоятельной области права — «права охраны климата», которое имеет надотраслевой характер и включает ряд норм экологического, энергетического, транспортного, воздушного права и т. д. В США (где нет законодательства по вопросам охраны климата на федеральном уровне) наблюдается несколько специфичная ситуация, когда основными центрами развития «права охраны климата» являются отдельные штаты или региональные образования, включая негосударственные объединения. Важную роль в данной стране играют также добровольные объединения и усилия местных властей в решении вопросов изменения климата [8].

Вместе с тем, несмотря на все принятые меры по противодействию глобальным изменениям климата в США, судебные процессы о нарушении общественного порядка глобальным потеплением до настоящего времени не дали результата. Истцы считали, что определенным отраслям промышленности позволяется осуществлять выброс слишком большого количества CO₂ и других парниковых газов, и требовали в суде сокращения их эмиссии. Однако федеральные суды США не обладают необходимыми экспертными знаниями, чтобы принимать подобные решения. Чтобы признать требование о нарушении общественного порядка, основанное на глобальном потеплении, суды вынуждены были бы сортировать и уравнивать ряд конкурирующих интересов, включая экологическую, промышленную, внешнюю политику, безопасность, проблемы потребительского выбора, и определять, сколько CO₂ и иных парниковых газов, предназначенных отраслям промышленности, можно разрешить выбросить. Однако участие в определении экологической политики не входит в компетенцию судов США, и в исках было отказано [9].

Действительно, трудно доказать, что изменение климата влечет нарушение прав человека. Физические воздействия глобального потепления не могут быть классифицированы как нарушения прав человека главным образом потому, что связанный с изменением климата вред часто не может быть обусловлен действиями (бездействиями) конкретных государств. Кроме того, даже если экологический вред и будет установлен, имеющееся законодательство регулирует действия правительства

по защите собственных граждан и лиц, находящихся под его юрисдикцией. Поэтому, как отмечалось в научной литературе, «...нет никакой пользы от наличия ответственности или методик возмещения вреда для ситуаций, являющихся результатом таких явлений, как изменение климата, где ответственность и вред в основном межнациональные. Однако определение и обеспечение средств от нарушения определенных прав человека — не единственная потенциальная задача законов о правах человека. Права человека представляют собой не только юридические императивы, но также и ряд других согласованных на международном уровне ценностей, вокруг которых общее действие может быть договорным и мотивированным. Таким образом, права человека должны не только являться способом требовать возмещения уже причиненного вреда, но и быть прогнозным средством поощрения развития и обеспечения качественного вклада в прочные, эффективные и стабильные стратегические ответы в обоих (национальном и международном) уровнях через смягчение и адаптацию» [10].

Исходя из этого, одним из направлений защиты климатических прав человека является защита смежных прав, которые также в той или иной степени нарушаются вследствие изменения климата. Так, А. М. Солнцев полагает, что глобальные изменения климата потенциально оказывают негативное воздействие на следующие права: право человека на достаточное жилище; право на достаточный жизненный уровень; право человека на доступ к воде [11].

К этому Р. В. Никонов добавляет тезис о том, что регулирование процессов, связанных с восстановлением экологических прав человека, возмещение причиненного ущерба, в частности в результате миграции по экологическим причинам, регламентируется национальным законодательством и на сегодня слабо проработано, что часто вызывает проблемы с защитой прав человека. В отдельных странах (например, в Нидерландах, Бельгии) граждане самостоятельно инициируют судебные процессы, выступая против своих государств, которые, по их мнению, не обеспечивают надлежащую охрану климата [12].

Применительно к Российской Федерации следует заметить, что климат не является в России особым объектом охраны, и потому никак не упоминается в базовых экологических законах, включая Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года. В качестве объектов охраны окружающей среды в нашей стране выделяются компоненты природной среды, природные объекты и природные комплексы. В числе таких объектов и компонентов экологическое законодательство упоминает природные ландшафты, землю, воды, недра, растительный и животный мир, а также озоновый слой и околоземное космическое пространство (ст. 1). Федеральный закон от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» упоминает в ст. 1 «лечебный климат» как разновидность природных лечебных ресурсов и не более того.

Все имеющиеся в России правовые предписания о климате расположены в подзаконных актах, направленных на реализацию положений Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. В актах Правительства РФ и приказах органов государственной власти РФ был урегулирован ряд важных вопросов, связанных

с организацией и осуществлением наблюдения, надзора, а также лимиты на выбросы парниковых газов. Исходя из этого, не удивительно, что в России (в отличие от США) в судебной практике нет дел, обусловленных глобальным изменением климата. Вместе с тем существует концепция экологической политики в сфере глобального изменения климата, которая называется Климатическая доктрина Российской Федерации (утверждена Распоряжением Президента России от 17 декабря 2009 г. № 861-рп). Однако она не является актом прямого действия и включает в себя лишь ряд рекомендаций и планов мероприятий на будущее [13].

Данные планы постепенно реализуются посредством принятия ряда других нормативных актов, планов и программ. В их числе следует выделить Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р); Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года; Стратегию деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года (с учетом аспектов изменений климата), утвержденную распоряжением Правительства РФ. Кроме того, распоряжением Правительства РФ от 3 ноября 2016 г. № 2344-р утвержден План реализации комплекса мер по совершенствованию государственного регулирования выбросов парниковых газов и подготовки к ратификации Парижского соглашения, принятого 12 декабря 2015 года 21-й сессией Конференций Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Указанным Планом предусмотрена также разработка нескольких документов, направленных на предотвращение и смягчение климатических изменений, а также адаптации к ним: стратегии долгосрочного развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года; плана по сокращению выбросов парниковых газов в результате обезлесения и деградации лесов, усиления мер по сохранению, устойчивому управлению и увеличению накопления углерода в лесах; национального плана адаптации к неблагоприятным изменениям климата [14].

Значительно лучше с правовой охраной климата обстоят дела в экологическом законодательстве таких стран, как Республики Беларусь и Казахстан. Например, в соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 17 июля 2002 г. № 126-З (в редакции от 17 июля 2017 г.), одним из объектов эколого-правовой

охраны является климат (наряду с природными ландшафтами и природными ресурсами, ООПТ, околосемным космическим пространством). Предписания о важности учета влияния на климат тепловых электростанций содержатся в ст. 39 данного закона. В статьях 55–56 упоминаются обязанности юридических лиц по сокращению выбросов парниковых газов, влияющих на климат, и обязательность соответствия любой деятельности, влияющей на климат, экологическому законодательству. В Беларуси ведется климатический государственный кадастр.

Согласно Экологическому кодексу Казахстана от 9 января 2007 г. (в редакции от 15 июня 2017 г.) климат считается составной частью окружающей среды. Как следует из норм ЭК РК, климат — это один из объектов охраны окружающей среды, и выполнение обязательств по климату прямо называется одной из функций правительства и специально уполномоченного природоохранного органа. Более того, климат в Казахстане является объектом государственного экологического мониторинга, а комплексные исследования изменений климата и оценка его воздействия на природные ресурсы, а также экономику являются одним из основных направлений научных исследований в Казахстане. Отдельно определены принципы охраны климата в РК.

Заключение и выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что нормы об охране климата закреплены в международных нормативных актах, принятых и подписанных Российской Федерацией. В России есть ряд подзаконных актов, направленных на реализацию норм международных природоохранных соглашений. К сожалению, в российском экологическом законодательстве (включая базовый закон «Об охране окружающей среды») нет соответствующих норм об охране климата, однако существует опыт ряда стран СНГ, который может быть использован для восполнения пробелов в российском экологическом законодательстве. Учитывая, что принципы являются ядром правовой системы (и каждой отдельно взятой отрасли права), определяя не только ее текущее состояние, но и выполняя прогнозную функцию развития соответствующей отрасли, необходимо дополнить ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» новым принципом «правовой охраны климата», который на сегодня еще носит чисто доктринальный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агафонов А. В. Доктринальные основы конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 7–8.
2. Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 6.
3. Бараташвили Д. Т. Принципы официального юридического толкования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 8.
4. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». М. : Минприроды России ; НИИ-Природа, 2016. С. 36–37.
5. Никонов Р. В., Скутнев А. В. Правовое регулирование охраны климата в российском законодательстве: становление и перспективы развития // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 30. С. 65.
6. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Киотский протокол: слово за Россией // Обозреватель. 2003. № 12. С. 77–83.
7. Parker-Flynn J. E. The Intersection of Mitigation and Adaptation in Climate Law and Policy // University of California, Davis. 2014. Vol. 38. P. 6–9.
8. Семенихина В. А. Правовое регулирование охраны климата: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 19.

9. Анисимов А. П. Современные правовые проблемы обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3. С. 44.
10. Абезин Д. А., Анисимов А. П. Права человека в условиях изменения климата // Современное право. 2015. № 9. С. 5–10.
11. Солнцев А. М. Современное международное право о защите окружающей среды и экологических правах человека. М., 2013. С. 122–126.
12. Никонов Р. В. Климат как объект правовой охраны // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 10. С. 142.
13. Анисимов А. П. Климат как объект экологических правоотношений // Аграрное и земельное право. 2015. № 8. С. 85–91.
14. Доклад о ходе реализации в 2016 году комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=342550> (дата обращения: 07.11.2017).

REFERENCES

1. Agafonov V. A. The doctrinal framework of the constitutional justice in the entities of the Russian Federation : abstract of thesis of the candidate of legal sciences. Saratov, 2007. P. 7–8.
2. Demichev A. Positivist classification of the principles of civil procedural law // Arbitration and civil process. 2005. No. 7. P. 6.
3. Baratashvili D. T. Principles of official legal interpretation : abstract of thesis of the candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2005. P. 8.
4. State report «The status and environment of the Russian Federation in 2015». M. : Ministry of natural resources of Russia; NIA-Priroda, 2016. P. 36–37.
5. Nikonov R. V., Skutnev A. V. Legal regulation of protection of the climate control in the Russian law: formation and development prospects // Rule of law in modern society. 2016. No. 30. P. 65.
6. Abashidze A. Kh., Solntsev A. M. The Kyoto Protocol: the word for Russia // Browser. 2003. No. 12. P. 77–83.
7. Parker-Flynn J. E. The Intersection of Mitigation and Adaptation in Climate Law and Policy // University of California, Davis. 2014. Vol. 38. P. 6–9.
8. Semenikhina V. A. Legal regulation of climate protection: comparative legal analysis: abstract of thesis of the candidate of legal sciences. M., 2010. P. 19.
9. Anisimov A. P. Modern legal problems of ecological safety in the Russian Federation // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. 2017. No. 3. P. 44.
10. Abesin D. A., Anisimov A. P. Human rights in the context of climate change // Modern law. 2015. No. 9. P. 5–10.
11. Solntsev A. M. Modern international law on protection of the environment and environmental human rights. M., 2013. P. 122–126.
12. Nikonov R. V. Climate as an object of legal protection // Socio-economic studies, humanities and law: theory and practice. 2016. No. 10. P. 142.
13. Anisimov A. P. Climate as an object of ecological relations // Agricultural and land law. 2015. No. 8. P. 85–91.
14. Report on the progress of implementation in 2016 of the comprehensive plan for implementation of the Climate doctrine of the Russian Federation for the period till 2020 [Electronic resource] // Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation. Official site. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=342550> (date of viewing: 07.11.2017).

Как цитировать статью: Рыженков А. Я. К вопросу о доктринальных принципах экологического права (на примере принципа охраны климата) // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1 (42). С. 164–168.

For citation: Ryzhenkov A. Ya. The issue of doctrinal principles of the environmental law (on the example of climate protection) // Business. Education. Law. 2018. No. 1 (42). P. 164–168.